

А.И. Минаев

БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И РАДИКАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Радикальная политическая мысль России середины XIX века уделила большое внимание изучению проблем британского парламентаризма. В целом для нее был характерен критический подход к парламентскому строю в Великобритании и особенно к половинчатому и непоследовательному реформизму. Пытаясь выработать методы изменения социально-экономического строя России, ликвидации ее самодержавной системы, представители этого направления не считали возможным применение британского опыта преобразований к отечественной действительности и склонялись к более решительной, революционной стратегии.

Россия, Великобритания, середина XIX века, политическая мысль, радикализм, конституционализм, парламентаризм, реформизм, избирательное право.

Критический подход к проблемам британского парламентаризма и возможности использования внутривосточного опыта этой страны в России был характерен для отечественных революционеров-демократов. Политическая позиция А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, Н.Г. Чернышевского и других в отношении анализа государственной структуры Великобритании выражала общие подходы, сложившиеся в русле декабристских традиций изучения европейской истории и социальных структур. Вслед за декабристами революционеры-демократы середины XIX века, размышляя о судьбах России, ее будущем государственном строе, внимательно изучали европейский конституционализм, анализировали его британский вариант. При этом они опирались на сложившиеся в социально-политической мысли Европы просветительские традиции в отношении Великобритании, идущие от Джона Локка (1632–1704), Шарля Монтескье (1689–1755) и других просветителей.

Вместе с тем русские радикалы анализировали британские конституционные и парламентские структуры и институты в условиях, которые принципиально отличались от эпохи европейского Просвещения. Для них были важны прагматические задачи, связанные с их общественно-политической борьбой за реформирование социально-экономической структуры России. Революционеры-демократы отлично понимали, что в условиях крушения российского крепостничества страна неизбежно окажется перед альтернативным выбором своего нового пути развития, новых форм государственного строя.

В целом для А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева было характерно критическое в большей или

меньшей степени отношение к буржуазной демократии и парламентаризму. Так, например, Николай Александрович Добролюбов (1836–1861), выражая свои взгляды на этот счет, писал: «Европа... превратилась теперь в “говорильню”, как перевел бы покойный Шишков слово “парламент”»¹.

Однако, даже исповедуя подобные взгляды, склоняясь к неизбежности революции в условиях России, обойти своим вниманием британский парламентаризм XIX века, давший наиболее яркий пример государственно-правовых преобразований ненасильственного характера, удержавший страну в рамках конституционного порядка, они не могли.

Предваряя анализ взглядов видных представителей радикального направления общественной мысли России середины XIX века на обозначенный предмет, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на общее преобладание негативных оценок британского парламентаризма, у каждого из них обнаруживаются свои нюансы. Спектр мнений на этот предмет достаточно широк – от умеренно критического у А.И. Герцена и Н.П. Огарёва до крайне негативного у Н.А. Добролюбова.

Проблемы британского парламентаризма XIX века внимательно изучал Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889). В связи с этим большой интерес представляют его ежемесячные обзоры «Политика», публиковавшиеся в журнале «Современник» в 1859 году, и некоторые публицистические статьи.

Интерес Н.Г. Чернышевского к британскому парламентаризму был вызван, как и у других радикалов, стремлением найти метод преобразований в собственной стране. Абсолютную монархию Романовых Н.Г. Чернышевский считал реакционной формой государственного правления. Отсюда неслучайно внимание Н.Г. Чернышевского к Великобритании – стране, в которой в первой половине XIX века были сделаны первые шаги на пути буржуазно-демократических преобразований, связанные, прежде всего, с парламентской реформой 1832 года.

Великобритания середины XIX века представлялась многим современникам страной классических демократических свобод. Из всех западноевропейских государств именно она вызывала наибольшие симпатии русских либералов, которые видели в ней страну с государственным устройством, достойным подражания. Подобная идеализация британской конституции идейными противниками демократов, не желавшими замечать ее ограниченного характера, заложенных в ней противоречий, явно несоответствия буржуазному по своей сути социально-экономическому развитию Великобритании середины XIX века, заставляла Н.Г. Чернышевского полемизировать с ними, критиковать их преклонение перед государственным строем стран Запада. «Всякая ложь вредна, – писал он. – Зачем нам оставаться в фактической уверенности, будто бы Западная Европа – земной рай, когда на самом деле положение народов ее вовсе не таково?»².

Н.Г. Чернышевский рассматривал историю Великобритании первой половины XIX века в русле общеевропейского развития, показывая при этом тесную

---

¹ Добролюбов Н.А. Из Турина // Полн. собр. соч. : в 6 т. М., 1941. Т. 5. С. 78.

² Чернышевский Н.Г. «Русская беседа» и славянофильство // Избр. экон. произв. М., 1948. Т. 1. С. 97.

взаимосвязь между событиями, происходившими на континенте и на Туманном Альбионе. «Со времени падения Наполеона, – писал он, – два раза Западная Европа подвергалась общему изменению, и оба раза переворот на материке совпал с великими реформами в английских учреждениях»³. Н.Г. Чернышевский обращал внимание на то, что революция 1830 года во Франции ускорила парламентскую реформу 1832 года, а европейским революциям 1848 года предшествовала отмена хлебных законов в 1846 году.

Такую близость во времени между событиями Н.Г. Чернышевский считал отнюдь не случайной и объяснял ее общей буржуазной направленностью исторического процесса в континентальной Европе и в Великобритании, а также взаимовлиянием их общественных настроений. «Состояние общественного мнения в Англии имеет такую громадную силу над общественным мнением континента, что горячее настроение английской жизни к радикальным переменам служит значительным подкреплением для таких же настроений на материке и, наоборот, Англия теперь так связана с континентом, что господствующее на нем стремление отражается на англичанах»⁴.

В силу тесной связи с предметом данного исследования небезынтересна концепция исторического прогресса в целом, предложенная Н.Г. Чернышевским. В ее основу им был положен закон так называемой «физической смены поколений», для которой, по его мнению, необходимо около пятнадцати лет. «Чтобы совершилось в обществе что-нибудь важное, новое, – отмечал он, – нужно большинству общества составиться из новых людей, силы которых не изнурены участием в прежних событиях, мысли которых сложились уже на основании достигнутого их предшественниками результата, надежды которых еще не обрезаны опытом»⁵. Подобные представления о движущих силах исторического прогресса являются поверхностными, идеалистическими. Безусловно, человеческий фактор, роль отдельных личностей оказывают влияние на поступательное развитие общества, однако доминантой социальных и политических изменений, особенно на этапе окончательного утверждения капиталистических отношений, который в Великобритании пришелся на первую половину XIX века, являлись факторы социально-экономические. Подобные воззрения Н.Г. Чернышевского вызвали преждевременное ожидание новой парламентской реформы в Великобритании в 1859 или 1860 годах⁶.

Возвращаясь к оценке Н.Г. Чернышевским британского парламентаризма середины XIX века, подчеркнем, прежде всего, ее последовательно критический характер. Британцы, по его мнению, к этому времени при всей «...прочности своих важных приобретений» еще далеко не достигли совершенства в своем

---

³ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника» // Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 6. С. 15.

⁴ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 16–17.

общественно-политическом устройстве, и было «...в их жизни много чрезвычайно важных вопросов, еще не получивших удовлетворительного решения»⁷.

Обращаясь к парламентаризму начала XVIII века, Н.Г. Чернышевский показывал его ограниченный характер. Нижняя палата, не говоря уже о палате лордов, представляла собой сосредоточение аристократических интересов. «В палате общин, – писал Н.Г. Чернышевский, – из десяти членов девятéro назначаются вовсе не нацией, а несколькими лордами и обязаны подавать голоса, как прикажут им хозяева»⁸. Подобное «народное» представительство не могло выражать интересов всей нации.

В XVIII веке британский парламент, за которым стоял лишь узкий слой земельной аристократии, по мнению Н.Г. Чернышевского, являлся наиболее слабым и неэффективным звеном государственного механизма страны. «...Ни министры королевы Анны, – писал он, – ни министры Георга I не хотят подчиняться парламенту, а, напротив, или подкупают его, или, если не удастся подкупить, просто-напросто не слушают его и распоряжаются государственными делами как сами хотят»⁹. Подобное пренебрежение к парламенту в Великобритании со стороны исполнительной власти и отсутствие у него претензий на повышение своего политического статуса в XVIII веке можно объяснить тем, что в то время между двумя ветвями государственной власти, аристократическими по своему характеру, практически не было явных противоречий, которые могли бы осложнить взаимоотношения между ними.

Начало XIX века являло примерно ту же картину. Как отмечает Н.Г. Чернышевский, «в 1820 году праправнук, начинающий жить, находит свою родину во власти обскурантов и реакционеров, давно уже господствующих в ней»¹⁰. После окончания Наполеоновских войн ситуация в Великобритании начинает меняться. Бурное развитие промышленного производства, экономический подъем порождают социально-политические противоречия, которые частично могли быть разрешены посредством парламентской реформы, расширяющей избирательный корпус страны. По образному выражению Н.Г. Чернышевского, «...избыток угнетения пробуждает нацию от долгой политической дремоты, и возникает стремление к реформам»¹¹. Результатом этого «пробуждения» и стала парламентская реформа 1832 года.

Первая парламентская реформа носила половинчатый, компромиссный характер. Главной ее задачей являлось достижение между земельной аристократией и буржуазией прочного союза, направленного против широких народных масс страны, заметно активизировавшихся в предреформенные годы. На эту ее важнейшую особенность указывал Н.Г. Чернышевский, писавший, что реформа, «...необходимость которой чувствовалась по крайней мере уже лет сорок...», была проведена в «...жалком размере». «Палата общин, – подчеркивал он, – по-

---

⁷ Там же. С. 83.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 9.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Там же.

прежнему осталась представительницей почти одного только аристократического интереса; не только простолюдины не приобрели доступа в нее своим депутатам, но и среднее сословие, которое в Англии богаче, просвещеннее и многочисленнее, нежели где-нибудь, почти не имело в ней голоса...»¹².

Последствием реформы 1832 года стало перенесение центра тяжести в парламенте в палату общин, которая после расширения социального состава электората стала казаться британцам выразительницей интересов более широких слоев общества, чем это было прежде. Данное обстоятельство подмечал и Н.Г. Чернышевский. Лордов, которые формально не представляли никого, кроме самих себя, поскольку они назначались в верхнюю палату короной, он называет палатой, «...хорошо чувствующей не слишком большую важность свою»¹³.

Н.Г. Чернышевский отмечал, что, несмотря на серьезные изменения избирательного права, проведенные в ходе реформы 1832 года, она оставила палату общин по-прежнему во власти тори и вигов, которых он называл «истинными владыками Англии»¹⁴. Только к концу 50-х годов XIX века, по его мнению, оформилась независимая от них «партия, служащая представительницей среднего сословия»¹⁵, в которой стали вновь преобладать реформаторские настроения.

Н.Г. Чернышевский подробно останавливался на тех устаревших институтах избирательного права Великобритании, которые, по его справедливому мнению, подлежали непременно упразднению, что должно было послужить делу демократизации парламентского строя. Именно борьба вокруг них определяла долгие годы формально-юридический аспект развития парламентаризма в стране. Он указывал также на продолжительность срока полномочий палаты общин. По старинным обычаям продолжительность одного и того же парламента не ограничивалась и зависела только от воли короля. По закону парламента не мог пережить только смерти того короля, при котором он был избран. При Карле II (1660–1685) работа одного из парламента, на что обращал внимание Чернышевский, продолжалась 17 лет. При Вильгельме III (1689–1702) по статуту, называвшемуся трехгодичный закон (Triennial act), было установлено, что один и тот же парламента не может действовать более трех лет, и именно на этот срок стали избирать членов палаты общин. В середине XIX века согласно закону, принятому еще при Георге I (1714–1727), срок полномочий каждого парламента ограничивался семью годами (Septennial act). Сократить срок действий парламента могла, как и прежде, только смерть короля. Сторонники преобразований требовали сокращения этого срока. Н.Г. Чернышевский объяснял их требование тем, что в XVIII веке назначение огромного большинства членов палаты общин зависело от лордов и частая смена парламента не способствовала самостоятельности депутатов, «...которые только долгим сроком выборов избавлялись от

---

¹² Там же.

¹³ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 176.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 11.

произвола своих патронов»¹⁶. Такое положение продолжалось до реформы 1832 года, которая, увеличив представительство от городов, ввела в палату общин значительное число независимых от патронов депутатов. Н.Г. Чернышевский отмечал, что, несмотря на эти положительные изменения, на избрание большинства депутатов все еще оказывали влияние лендлорды или избрание проходило «просто по их назначению». «Новая реформа, – писал он, – намерена положить конец этому введением тайной баллотировки и другими изменениями. <...> Тогда большинство палаты общин будет состоять из людей истинно независимых, и более частые выборы будут принуждать их соотноситься не с желаниями каких-нибудь патронов, как было прежде, а с потребностями их избирателей, также делающимися независимыми от патронства, т. е. быть верными представителями общественного мнения»¹⁷. Н.Г. Чернышевский вспоминал о чартистах, которые первым пунктом из шести своей знаменитой Народной хартии провозглашали ежегодные выборы палаты общин. Таким образом, сокращение сроков полномочий парламента, введение тайного голосования за кандидатов, по справедливому мнению Н.Г. Чернышевского, должны были способствовать демократизации палаты общин.

Другую задачу Н.Г. Чернышевский видел в введении равных по числу избирателей округов: «Если в одном округе избирателей одна тысяча, а в другом десять тысяч, то второй округ должен выбирать десять депутатов, а первый только одного»¹⁸. В Великобритании, как было показано выше, в середине XIX века представительство в парламенте от разных территорий было распределено крайне неравномерно. «...Избирательные округа назначают известное число депутатов, – писал Чернышевский, – вовсе не по пропорции к числу своего населения, как во всех европейских государствах и в Америке, а просто каждый округ... выбирает известное число депутатов, одно и то же в самых маленьких и в самых больших округах»¹⁹.

Н.Г. Чернышевский обращал внимание и на то обстоятельство, что в графствах голоса избирателей, получавших ежегодный доход в размере 50 фунтов стерлингов с арендованных земель, находились под жестким контролем крупных землевладельцев. «Почти вся земля в Англии, – отмечал он, – сосредоточена, как известно, в руках нескольких сот аристократов, и эти немногочисленные богатые землевладельцы назначают всех, так называемых депутатов графств, то есть почти две пятых части всего числа депутатов, составляющих палату общин»²⁰.

Представительство от городов в середине XIX века, как известно, также было далеким от совершенства, что не осталось незамеченным Н.Г. Чернышевским. В Великобритании сохранялись еще города с числом избирателей менее 500 в каждом и «...эти 59 городов, имея всего 20 076 избирателей и всего населения не более 373 000, посылают в парламент 89 депутатов, между

---

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 39.

¹⁸ Там же. С. 84.

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ Там же. С. 40.

тем как Ливерпуль, один, имеющий большее число жителей и избирателей, нежели все они вместе, назначает только двух депутатов»²¹.

По мнению Н.Г. Чернышевского, введение равных избирательных округов имело двоякую цель: «...во-первых, уменьшить зависимость палаты общин от аристократических землевладельцев, и без того уже имеющих слишком значительную долю в законодательной власти по своему званию членов палаты лордов. Во-вторых, уничтожить странную неравномерность числа депутатов с числом населения в разных избирательных округах»²².

Еще один ярко выраженный недостаток избирательного права Н.Г. Чернышевский связывал с условиями, необходимыми для избрания в парламент. Он справедливо замечал, что обязанность члена палаты общин, «действительно исполняющего свой долг», отнимает чрезвычайно много времени, «поэтому необходимым дополнением к другим преобразованиям является назначение жалования членам палаты общин». Эта мера помогла бы стать депутатами многим людям «...без состояния, но дорожающим своей независимостью»²³.

Выделив эти вопиющие противоречия избирательного права Великобритании середины XIX века, Н.Г. Чернышевский подвел весьма неутешительный итог: в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии насчитывается около 7 миллионов взрослых мужчин, из них до сих пор только одна шестая часть пользуется правом подавать голос на выборах²⁴. Тогда же, в 1859 году, Н.Г. Чернышевский отмечал назревшую необходимость новой реформы избирательного права, указывал, что все реформаторские силы – «...хартисты, радикалы и манчестерская школа» – солидарны в том, чтобы «каждый взрослый англичанин без всякого различия состояния сделался избирателем»²⁵.

Недостатки британского парламентского строя, со всей очевидностью выявившиеся к середине XIX века, с точки зрения Н.Г. Чернышевского, объяснялись его средневековыми основами, которые в течение длительного времени оставались неизменными. «Английские учреждения сложились так давно, – подчеркивал он, – что многое в них от изменения обстоятельств утратило смысл... вошло в рутину»²⁶. Немаловажную роль в сохранении старых конституционных обычаев, по его мнению, играл консерватизм большинства британцев, привыкших созерцать свои государственно-правовые институты в неизменном виде. Н.Г. Чернышевский обращал внимание, например, на то, что подача голосов на выборах за того или иного кандидата посредством записи имен кандидатов в реестр ведет свое начало с тех времен, когда баллотировки еще не знали. «Теперь лучшее (тайная подача голосов. – А.М.) отвергается потому, что привыкли к прежнему хорошему, образовавшемуся в дурное с течением времени»²⁷.

---

²¹ Там же. С. 40–41.

²² Там же. С. 41.

²³ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 42.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Там же.

Н.Г. Чернышевский, рассматривая британский парламентаризм середины XIX века, отнюдь не питал иллюзий, что в случае устранения формальных его недостатков парламент станет подлинно народным представительством. Он критически относился к парламентской системе в целом и, очевидно, не видел перспектив для ее возможного утверждения в России. Основой политической власти буржуазии в странах Западной Европы Н.Г. Чернышевский считал ее экономическое могущество. По его мнению, участие в парламенте представителей от трудящихся не могло дать им реальной политической власти, поскольку не было подкреплено экономической состоятельностью. «Дело не в том, – писал он, – представлено ли формальными условиями влияние на государственную жизнь; дело в том, находится ли сила иметь такое влияние; если она находится, то она обнаружит свое действие, каковы бы ни были формальные условия»²⁸.

Суммируя взгляды Н.Г. Чернышевского на проблему, отметим, что он дал всестороннюю обоснованную критику британского парламентаризма середины XIX века, вскрыл его ограниченность. «Мнение народа и решение парламента – две различные вещи, очень часто нимало не сходные при нынешней системе выборов и нынешнем распределении депутатов», – писал Н.Г. Чернышевский о британском парламенте, вынося приговор его сущности²⁹.

Сквозь призму своего критического осмысления парламентаризма в целом, негативного отношения к непоследовательному, половинчатому буржуазному реформизму Н.Г. Чернышевский предстает как сторонник более радикальных, революционных методов преобразования государственного строя и общества.

Изучение взглядов на британский парламентаризм крупнейшего представителя русской революционно-демократической мысли XIX века Александра Ивановича Герцена (1812–1870) нуждается в новых подходах. В советской историографии этот вопрос освещался односторонне. А.И. Герцен был представлен последовательным критиком как буржуазной демократии в целом, так и ее британского варианта³⁰. Однако, по нашему мнению, его воззрения на эту проблему отличались сложностью и многогранностью.

Действительно, в работах А.И. Герцена часто встречаются негативные оценки государственно-правовой системы Великобритании. «Парламентское правление... – писал он, – самое колоссальное беличье колесо в мире. Можно ли величественно стоять на одном и том же месте, придавая себе вид торжественного марша, как оба английских парламента?»³¹. А.М. Шапиро отмечал, что А.И. Герцен выделил «...такие черты, свойственные английскому парламентаризму, как лицемерие, лживость и формальность, подчеркнув, что буржуазная

---

²⁸ Чернышевский Н.Г. Нынешние английские виги // Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 403.

²⁹ Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». С. 142.

³⁰ Мелентьев Ю.С. Революционная мысль России и Запад (русские революционеры-демократы о капитализме и буржуазной демократии). М., 1966; Шапиро А.М. А.И. Герцен о некоторых вопросах общественно-политической жизни Англии 50–60-х гг. XIX в. // Ученые записки. Выпуск исторический / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1960. Т. 68. С. 157–169; Инукирвели Г.З. А.И. Герцен – критик буржуазной демократии // Советское государство и право. 1952. № 4. С. 48–55; и др.

³¹ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1966. Т. 10. С. 128.

демократия пытается выдать форму за сущность»³². И это замечание представляется вполне обоснованным.

Вместе с тем у А.И. Герцена мы обнаруживаем конструктивные оценки британских государственных и правовых институтов, которые не вписывались в односторонний подход советских историков. Так, мыслитель противопоставлял конституционную законность британского государственного строя и судопроизводства беззакониям бонапартистской диктатуры во Франции. По его мнению, «...два краеугольных камня всего английского быта: личная независимость и родовая традиция – для француза почти не существуют»³³. Француз не видит «...той суровой мощи, которою народ этот отстаивал свои права, того упрямства, вследствие которого из англичанина можно все сделать, льстя его страстям, – но не раба, веселящегося галунами своей ливреи, восхищающегося своими цепями, обвитыми лаврами»³⁴. Для француза непонятны те основы, на которых покоится британское государство, в частности, «...мир самоуправления, децентрализации, своеобразно, капризно разросшийся...»³⁵.

Более того, мы находим у А.И. Герцена глубоко уважительное отношение к многовековому «зданию» британской конституции, превосходящему своей прочностью «причесанный кодекс» Наполеона. Имея в виду воображаемого француза, оказавшегося в Великобритании, А.И. Герцен писал: «Он теряется в несметном разноначалии английских законов, как в темном бору, и совсем не замечает, какие огромные и величавые дубы составляют его и сколько прелести, поэзии, смысла в самом разнообразии. То ли дело маленький кодекс с посыпанными дорожками, с подстриженными деревьями и с полицейскими садовниками на каждой аллее»³⁶.

В то же время А.И. Герцен полагал (и с этим нельзя не согласиться), что британское государство, в котором был заложен положительный многовековой опыт борьбы за ограничение произвола власти по отношению к собственникам, отнюдь не выражал интересы всего народа. Между властью и широкими массами, лишенными собственности, лежала непреодолимая пропасть. Разбирая книгу Дж. Ст. Милля «О свободе» А.И. Герцен указывал на то, что в Англии «...самое правительство по той мере мощно, по какой оно служит органам господствующей среды и понимает ее инстинкт»³⁷. Саму же эту «господствующую среду» здесь «...составляет среднее сословие»³⁸.

А.И. Герцен считал, что дальнейший прогресс британского парламентаризма связан с активностью народа, который выступал за политическое равноправие с аристократией и буржуазией. В случае, если народные массы не до-

---

³² Шапиро А.М. А.И. Герцен о некоторых вопросах общественно-политической жизни Англии 50–60-х гг. XIX в. С. 162.

³³ Герцен А.И. Былое и думы. Т. 3. С. 30.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 63.

³⁸ Там же.

бьются желаемого, перспективы внутривластного развития Великобритании представлялись А.И. Герцену весьма мрачными. Он обоснованно разделял опасения Дж. Ст. Милля о том, что при неблагоприятном для трудящихся исходе внутривластной борьбы в стране может установиться неограниченный диктат государства над своими подданными деспотического, «китайского» образца при сохранении видимости парламентаризма и буржуазной демократии. «Если народ и в Англии будет побит, – писал А.И. Герцен, – как в Германии во время крестьянских войн, как во Франции в Июньские дни, – тогда Китай, пророчимый Стюартом Миллем, не далек (имеется в виду возможный деспотизм власти по отношению к английскому обществу. – А.М.). Переход в него сделается незаметно, не утратится... ни одного права, не уменьшится ни одной свободы, уменьшится только *способность пользоваться этими правами и этой свободой!*»³⁹.

Таким образом, А.И. Герцен, будучи величайшим мыслителем, не мог не признать ценность и уникальность британского парламентаризма, ставшего плодом многовекового развития государства, но вместе с тем, критикуя современное ему состояние политических институтов этой страны, считал необходимым их дальнейшую демократизацию, движущей силой которой должны были стать трудящиеся массы.

Заметное место проблемы развития британского парламентаризма занимают в творческом наследии друга и соратника А.И. Герцена Николая Платоновича Огарёва (1813–1877). Анализ государственной структуры Великобритании у него был тесно связан с анализом исторического развития страны. «Английская конституция, – писал он, – в самом деле представляет тот *состав*, в который Англия выработалась всей своей исторической жизнью...»⁴⁰.

Н.П. Огарёв показал исторический путь формирования британского парламентаризма начиная с XIII столетия вплоть до XIX века. Он обращал внимание на то, что со времени принятия Великой хартии вольностей в 1215 году главные бароны (*barones majores*) отличались от меньших баронов (*barones minores*) родом поземельной собственности и формой приглашения на заседания парламента. К меньшим баронам присоединились представители городов (*burgesses*), число которых в парламенте по мере социального развития Англии все увеличивалось⁴¹. Тем, что в Англии выработалось «два представимых элемента» – «собственность феодальная, поземельная, неотчуждаемая, и собственность приобретенная...»⁴², Н.П. Огарёв и объяснял возникновение двухпалатного парламента. Первый элемент обусловил появление охранительной, опирающейся на старые традиции и отношения верхней палаты – палаты лордов, второй – более динамичной, восприимчивой к меняющимся социально-экономическим и политическим реалиям палаты общин, «...палаты людей, имеющих всякого рода свободную отчуждаемую собственность, следова-

---

³⁹ Герцен А.И. Былое и думы. Т. 3. С. 67.

⁴⁰ Огарёв Н.П. Расчистка некоторых вопросов. Конституция и земский собор // Избр. соц.-полит. и филос. произв. М., 1952. Т. 1. С. 613.

⁴¹ Там же. С. 613–614.

⁴² Там же. С. 614.

тельно, выбираемых в представительство теми, которых собственность не ниже установленного ценза»⁴³.

Н.П. Огарёв справедливо полагал, что поступательное развитие парламентаризма способствовало поступательному развитию всей государственно-правовой системы. «Парламентаризм, – писал он, – рос рука об руку с ростом обычного права, упрочением неприкосновенности лица, независимости судебных учреждений...»⁴⁴.

Н.П. Огарёв показал всю глубину той трансформации, которая охватила государственный механизм Великобритании в XIX веке и нашла свое наиболее яркое выражение в парламентских реформах, способствовавших вовлечению буржуазии в управление страной. «В сущности, и в Англии... власть принадлежит буржуазии, – подчеркивал он, – то есть тому среднему сословию, которое, разжившись за счет народа, опрокинуло феодализм, а само отделилось от народа»⁴⁵. Для Н.П. Огарёва совершенно очевидно, что первыми плодами совместной борьбы трудящихся и буржуазии за свое политическое равноправие, против монополии аристократии на власть в стране воспользовалось только «третье сословие», предавшее своих недавних союзников и разделившее власть со своим недавним противником – аристократией. Все это наглядно продемонстрировала реформа 1832 года.

Вслед за деятелями европейского Просвещения Н.П. Огарёв считал чрезвычайно важным государственным принципом принцип разделения властей, который он находил в должном объеме в британской конституции. Им был проанализирован путь формирования принципа разделения властей в его британском варианте. Оценивая роль королевской власти в государственном строе Великобритании середины XIX века, Н.П. Огарёв отмечал, что королевская власть, уступая все более усиливающемуся в результате проводимых преобразований парламентаризму, свелась к роли «центральной управы королевства, исполнительной власти, подчиненной парламенту»⁴⁶. Оставаясь по форме конституционной монархией, страна фактически получила правление кабинета, который нес политическую ответственность за свои действия перед палатой общин. В этом и нашло свое выражение разделение властей, выгодно отличавшее Великобританию от государств с неограниченной властью монарха. «Таким образом, выросла из состава целой исторической жизни конституция олигархо-буржуазной республики с монархическими формами»⁴⁷.

Как революционер-демократ, Н.П. Огарёв обращал особое внимание на роль народных масс в процессе становления конституционных форм в Великобритании, выделяя при этом роль среднего сословия. «Английская конституция, вышедшая из английской революции, была делом буржуазии, работавшей дол-

---

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Огарёв Н.П. Ответ на письмо малороссийского помещика // Избр. соц.-полит. и филос. произв. М., 1952. Т. 1. С. 327.

⁴⁶ Огарёв Н.П. Расчистка некоторых вопросов. С. 614.

⁴⁷ Там же. С. 615.

го... против феодализма и монархической власти, и английская конституция, несмотря на камеру лордов и некоторые средневековые формы, есть правление страны посредством буржуазного парламента»⁴⁸. Таким образом, оставаясь верным своим взглядам, Н.П. Огарёв именно революции XVII столетия отводил важнейшую роль в длительном процессе формирования британской демократии и парламентского строя, а реформы XIX века при этом оставлял в тени.

Считая британскую демократию порождением буржуазной революции, Н.П. Огарёв вместе с тем не мог не видеть ее ограниченности. Эта ограниченность, по его мнению, определялась самим характером английской революции и последовавшей за ней индустриализацией страны. Разорение британских крестьян и формирование мануфактурного, а вслед за ним промышленного пролетариата наложило свой отпечаток на британское государство, особенно на его судебную-правовую систему. По мнению Н.П. Огарёва, она стала наиболее характерным выражением социального неравенства и социальной несправедливости, которые невозможно было упрятать за великолепным внешним фасадом британского государства. Он отмечал, что бедный человек был не в состоянии даже начать отстаивать свое право в суде. Суд и правосудие существуют в Великобритании только для меньшинства, поскольку суд присяжных стоит очень дорого и назначается только для самого небольшого числа дел. Сами присяжные избираются из числа собственников, и несобственник может ожидать «...не суда, а только осуждения». Покупка судебных, административных и даже военных мест, которая в других странах является преступлением, здесь признается законной⁴⁹.

Н.П. Огарёв критически оценивал современный ему социально ограниченный британский парламентаризм. Он отлично понимал, что британский парламент – это парламент землевладельцев и буржуазии: «...интересы собственников дошли до того развития, что парламент, их представитель, сделался формальным собранием»⁵⁰. Такая оценка очень созвучна с мнением Н.Г. Чернышевского. Вместе с тем Н.П. Огарёв отмечал, что уже первая парламентская реформа, проведенная в Великобритании в 1832 году, была крупным шагом вперед на пути демократизации британского парламента и формирования демократического народного представительства.

Таким образом, подход Н.П. Огарёва к оценке британского парламентаризма нельзя считать однозначным. Он скорее позитивно оценивал потенциальные возможности, заложенные в парламентской системе, чем действительное социально-политическое состояние Великобритании в середине XIX века.

Другой представитель радикального направления общественной мысли России Н.А. Добролюбов главной социально-экономической причиной изменений британского парламентаризма, начатых реформой 1832 года, справедливо

---

⁴⁸ Огарёв Н.П. Ответ на «Ответ «Великорусу» // Избр. соц.-полит. и филос. произв. М., 1952. Т. 1. С. 542.

⁴⁹ Огарёв Н.П. Русские вопросы. Крестьянская община // Избр. соц.-полит. и филос. произв. М., 1952. Т. 1. С. 148–149.

⁵⁰ Там же. С. 149.

считал бурное развитие капитализма, результатом которого стало то, что «...среднее сословие выдвигалось в своем значении и было уже в состоянии тягаться с землевладельческой аристократией»⁵¹.

Экономическое процветание британской буржуазии, способствовавшее росту ее политических амбиций, стало реальностью, после того как «...в конце XVIII века в промышленности Англии произведен был переворот изобретениями Уатта и Эркрайта. <...> Усовершенствованный Эркрайтом механический ткацкий станок и применение к машинам парового двигателя, сделанное Уаттом, дали совершенно новый вид промышленности Англии и всей Европы»⁵². Для Н.А. Добролюбова, как последовательного материалиста, были важны именно социально-экономические предпосылки внутривнутриполитических изменений в Великобритании XIX века.

Бурное развитие капитализма в конце XVIII – начале XIX века привело к неминуемому столкновению буржуазии с земельной аристократией, являвшейся до этого монополистом в управлении страной. На это указывал Н.А. Добролюбов: «Английская аристократия вступила в антагонизм с буржуазией с самого начала сильного развития промышленности Англии. С одной стороны, была поземельная собственность и родовые привилегии, с другой – капитал и индустриальные стремления»⁵³. При этом революционер-демократ Н.А. Добролюбов связывал начало внутривнутриполитического брожения в Великобритании и с влиянием Великой французской революции, развитие событий по варианту которой было совершенно неприемлемо для британского правящего класса. «...Аристократия, – писал он, – была ужасно встревожена демократическими тенденциями французской революции и даже опасалась, чтобы что-нибудь подобное не повторилось в Англии»⁵⁴.

Н.А. Добролюбов отмечал, что по мере развития капитализма начались активные миграционные процессы, вызванные оттоком разорившихся британских крестьян в крупные промышленные центры. «Скоро сделалось заметным преобладание индустриальных интересов перед земледельческими, сельское население переходило в города, огромные массы бедного народа группировались в промышленных центрах...»⁵⁵. В связи с этим одной из острых внутривнутриполитических проблем становилось политическое бесправие жителей городов, которые становились центрами экономической активности. За право посылать своих депутатов в палату общин все активнее в начале XIX века начинают выступать буржуазия и рабочие таких густонаселенных, промышленно развитых городов, как Манчестер, Лидс, Бирмингем и ряд других.

Начавшееся движение было приостановлено в связи с Наполеоновскими войнами, а после Реставрации во Франции правящие круги Великобритании, как

---

⁵¹ Добролюбов Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ // Собр. соч. : в 9 т. М., 1962. Т. 4. С. 21.

⁵² Добролюбов Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ. Т. 4. С. 21.

⁵³ Там же. С. 23.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

отмечал Н.А. Добролюбов, «...увидели, что народ бояться нечего, и вздумали действовать против буржуазии. Торийское министерство до 1822 года представляет ряд стеснительных и обременительных законов, имевших целью ограничить развитие гражданской свободы преимущественно в средних классах»⁵⁶. Однако с середины 20-х годов XIX века движение за расширение избирательного права становится необратимым. Английская буржуазия первоначально выступила в союзе с трудящимися массами страны против монополии на власть аристократии, поскольку капиталисты «...действительно в это время чувствовали нужду в поддержке масс для успеха в борьбе...»⁵⁷.

Ключевым событием в борьбе буржуазии за политическое равноправие Н.А. Добролюбов справедливо считал реформу 1832 года. При этом он справедливо отмечал ее ограниченный характер, подчеркивал, что плодами этой меры воспользовалась буржуазия страны, пополнившая ряды противостоящей бесправному народу политической элиты. Заигрывания с трудящимися фабриканты продолжали только до принятия «...билля о реформе 1832 года, придавшего им довольно прочное значение в парламенте и тем обеспечившего их и со стороны аристократии, и со стороны масс работников, о которых, впрочем на словах, они и после того не переставали заботиться»⁵⁸.

Негативное отношение к буржуазному парламентаризму, не отражавшему интересы широких народных масс, подкреплялось у Н.А. Добролюбова и отрицательным отношением к непоследовательному западноевропейскому реформизму в целом. «Желание помочь делу *как-нибудь* и *хоть сколько-нибудь*, замазать трещину хоть на короткое время, остановиться на полдороги к цели, удовольствоваться полумерой в надежде, что потом *авось* это делается само собой, по неминуемым законам прогресса, – такое направление деятельности вовсе не есть исключительное свойство русского человека... Так поступают деятели всех народов»⁵⁹. Выступая сторонником радикальных преобразований, Н.А. Добролюбов полагал, что подобные реформе 1832 года «...половинные меры именно и оказываются фальшивыми»⁶⁰.

Для Н.А. Добролюбова западноевропейский реформизм был совершенно не пригоден в качестве возможного метода преобразований русского самодержавия и крепостничества. «Да, счастье наше, – писал он, – что мы позднее других народов выступили на поприще исторической жизни. Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестной надеждой, что наш путь будет лучше. <...> А главное – мы можем и дальше идти решительнее и тверже...»⁶¹.

---

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Добролюбов Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ. Т. 4. С. 24.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Добролюбов Н.А. От Москвы до Лейпцига И. Бабста // Собр. соч. : в 9 т. М., 1962. Т. 5. С. 468.

⁶⁰ Там же. С. 470.

⁶¹ Там же.

В статье «Подрастающая гуманность», опубликованной в 1865 году, резкой критике буржуазный либерализм подверг Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868). Статью свою он начинает с мысли о невозможности адаптации либеральных идей западноевропейского образца к русской действительности середины XIX века, высказывая ее с присущей ему иронией. «Последнее десятилетие нашей литературы, – пишет он, – было посвящено акклиматизированию европейского либерализма на обширных и холодных равнинах России или, другими словами, прививанию гражданских доблестей и гуманных идей к девственным умам и сердцам наших влюбленных соотечественников. Успех гуманизирующих операций превзошел самые смелые ожидания. Во всех наших городах и почти во всех наших селах уже томятся, изнывают, лепечут, грациозничают и миндаляются тысячи тщедушных субъектов, в которых все почтенные европейские либералы... будут принуждены узнать своих младших братцев, еще робких и неопытных, но уже способных выводить тоненьким дискантом некоторые модуляции общелиберального мяуканья»⁶².

Д.И. Писарев видел «главную» обязанность либерала лишь в том, чтобы «...всеми выражениями своей физиономии, всеми своими словами и всем внешним видом своих поступков...» демонстрировать «...постоянно и ежеминутно свою пламенную и безграничную преданность великим идеям и интересам, которые возбуждают в нем почти такие же чувства, какие персидская ромашка возбуждает в клопе»⁶³. Д.И. Писарев плоды британского либерализма – парламентское представительство, избирательное право середины XIX века – саркастически называл «красотами английской конституции»⁶⁴. В этих жестких оценках и определениях, по нашему мнению, следует усматривать отрицание Д.И. Писаревым самой возможности адаптации парламентских форм и институтов к условиям российского самодержавия.

Анализ взглядов представителей радикального направления русской общественной мысли на проблемы британского парламентаризма требует, по нашему мнению, обращения к материалам первой русской бесцензурной политической газеты «Колокол».

Зарождение русской эмигрантской журналистики связано с основанием А.И. Герценом Вольной русской типографии в Лондоне. В 1853 году вышло литографическое обращение публициста «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси», в котором сообщалось о скором открытии типографии. Свою цель он видел в том, чтобы стать «свободной бесцензурной речью» передовой России, чтобы «невывказанным мыслям... дать гласность, передать их братьям и друзьям, потерянным в немой дали русского царства»⁶⁵.

Обращение к материалам «Колокола» вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, издания демократического направления, публиковавшиеся

---

⁶² Писарев Д.И. Подрастающая гуманность (сельские картины) // Собр. соч. : в 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 50.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 57.

⁶⁵ Цит. по: История русской журналистики XVIII–XIX веков. СПб., 2005. С. 478.

на родине, в силу цензурного контроля при освещении вопросов европейского политического процесса оставались, как правило, на позициях близких к либеральным. Во-вторых, издание «Колокола» в Лондоне помогало газете оперативно откликаться на британские события. В-третьих, в публикуемых материалах часто прослеживается сопоставление британской политической системы с российским самодержавием, что представляется особенно ценным. Наконец, «Колокол», из номера в номер печатавший статьи и заметки А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, помогает полнее представить воззрения этих выдающихся мыслителей на британский парламентаризм.

По приезду в Лондон Н.П. Огарёва в 1857 году было объявлено о готовящемся выходе газеты «Колокол». Сначала издание задумывалось как «прибавочные листы» к «Полярной звезде», однако в процессе подготовки превратилось в самостоятельную газету. «Колокол» просуществовал десять лет. В нашем исследовании нашли отражение материалы, опубликованные в период с 1857 по 1861 год, годы наивысшей популярности и влияния газеты, тираж издания которой достигал трех тысяч экземпляров⁶⁶.

Через английское книгоиздательство Н. Грюбнера, немецких книготорговцев А. Франка, Ф. Шнайдера, Р. Вагнера, Ф. Брокгауза и других, агентов английских торговых фирм, русских моряков, многочисленных посетителей А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, а также по тайным каналам польской эмиграции «Колокол» стал регулярно проникать в Россию, где расходился среди либерально настроенного дворянства, чиновничества, купечества, учащейся молодежи в столицах и провинции. «Колокол» читали в правительственных кругах и при дворе. «“Колокол”, – писал А.И. Герцен, – мы посылаем прямо государю»⁶⁷.

Многие отечественные мыслители полагали, что стабильность внутриполитического процесса в Великобритании обусловлена в основном консерватизмом британцев, который является чуть ли не национальной особенностью и передается из поколения в поколение. Однако А.И. Герцен во втором номере «Колокола» совершенно справедливо отмечал, что этот консерватизм есть средство защиты тех устоев, которые стали следствием длительного, сложного и противоречивого развития государства и общества. «Народы, вживаются до того в вековые формы и обряды, что не понимают жизни в других формах, хотя бы они были лучше. Консерватизм Англии основан на этом, но для того, чтобы иметь эти обязательные воспоминания, надобно много прожить, надобно что-нибудь иметь для хранения»⁶⁸.

Длительная традиция политического компромисса в истории Великобритании предопределила эволюционный характер изменений в XIX веке, который выгодно отличал ее от стран континентальной Европы. «В то время, – писал А.И. Герцен в «Колоколе», – как Франция с 1789 года шла огнедышащим путем катаклизмов и потрясений, двигаясь вперед, отступая назад, метаясь в судорожных кризисах и кровавых реакциях, Англия совершала свои огромные перемены

---

⁶⁶ История русской журналистики XVIII–XIX веков. С. 479.

⁶⁷ Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1966. Т. 18. С. 190.

⁶⁸ Колокол. 1857. № 2.

и в Ирландии и в колониях, с обычным флегматическим покоем и в совершенной тишине»⁶⁹. Для сохранения внутривластной стабильности, основ государственности властвующая часть британской политической элиты делала уступки требующим перемен силам всякий раз, когда ситуация грозила выйти из-под контроля. Вспоминая об отмене протекционистских хлебных законов, предвосхищая наделение правом голоса на выборах в парламент значительной части рабочих, А.И. Герцен подчеркивал: «Весь правительственный такт ториев и вигов состоит в умении упираться, пока можно, и уступать, когда время пришло. Так, как Роберт Пиль переходом своим на сторону свободной торговли одержал экономическое Ватерлоо для правительства, так одно из будущих министерств вступит в сделку с чартистами и даст интересам работников голос и представительство»⁷⁰.

Н.П. Огарёв, который, как было показано выше, политический процесс в Великобритании теснейшим образом увязывал с ее социально-экономическим развитием, с особенностями английского феодализма, стремился объяснить британскую политическую специфику именно этими факторами. «Феодализм, – писал он в «Колоколе» в феврале 1858 года, – развил в Европе понятие чести и неприкосновенности лица; революции утвердили неприкосновенность собственности. Нигде феодализм не достиг такого развития, выросши и оставшись на основаниях сосредоточенного землевладения, как в Англии, и нигде понятие неприкосновенности лица не пустило такие глубокие корни в общественном мнении»⁷¹. Для Н.П. Огарёва именно личная неприкосновенность земельных собственников, зафиксированная еще в Великой хартии вольностей, стала краеугольным камнем аристократической государственности, вобравшей в себя корону и парламент и на долгое время подчинившей их своему контролю. Личные права и свободы для лиц, лишенных собственности, несмотря на их юридическое оформление, в том числе и в Habeas Corpus Act'e, стали простой формальностью. Развившись в эту сторону уважения к лицу, Англия достигла полной свободы лица умереть с голоду, а уважение к лицу означало только уважение для собственника, и понятие чести – тоже только для собственника⁷². Таким образом, для Н.П. Огарёва была совершенно ясна антинародная в социально-экономическом отношении сущность британской государственности. Права и свободы для большинства британцев не были подкреплены возможностями ими воспользоваться. Между их провозглашением и реализацией на практике лежала долгое время непреодолимая пропасть.

В том же номере «Колокола» А.И. Герцен обращал внимание на британский внутривластный либерализм, обеспечиваемый в немалой степени свободой прессы, которая часто спускала политических небожителей на землю, давала возможность читающей публике приблизиться к венценосным особам, видным политикам, почувствовать себя согражданами с ними. «Перелистуйте, –

---

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Колокол. 1857. № 2.

⁷¹ Там же. 1858. № 8.

⁷² Там же.

писал он, – лондонский Пунш (журнал «Punch». – А.М.), посмотрите на политические карикатуры его, в которых всего меньше пощажен муж королевы – что же делает Виктория, что делает Альберт – глядят Пунш и смеются с другими. Вот лучшее доказательство, как совершеннолетна Англия. С другой стороны посмотрите это исступление, эту тревогу, с которой преследуют каждый свисток, каждую улыбку во Франции... и подумайте о причинах»⁷³. Британская политическая система оказывалась способной к самоиронии, поскольку в отличие от французской, основанной на подавлении политических свобод, была прочнее в силу уважения к ним.

В марте 1858 года в разделе «Смесь» А.И. Герцен с резкой критикой обрушился на газету «Русский инвалид», которая «...журиет Англию за то, что она еще не изменила тем великим началам, на которых выросла ее сила и слава...»⁷⁴. В полемическом задоре А.И. Герцен со свойственной ему прямоотой писал: «Англия единая страна, где есть справедливость. А вы будете ей там давать советы, объявлять неудовольствие, вы, не имеющие ни прав, ни законов; вы, которые не можете дойти до того, чтоб судьи не были воры, чтоб дворяне не брали за свое знамя розги, чтоб квартальные не дрались по улицам?

Учитесь лучше у Англии, да занимайтесь своим делом!»⁷⁵.

В августе того же года в заметке «Rappel a la Pudeur!» А.И. Герцен в таких же резких тонах высказался против позиции «Санкт-Петербургских ведомостей». «Мы, – писал он в двадцать первом номере “Колокола”, – с глубоким чувством жалости и отвращения читаем в английских газетах отрывки из “С. Петербургских ведомостей” против Англии и... лезть перед Францией. Как же это делается, что едва позволили вам говорить, так вы и начали ругать свободу и кадить деспотизму?»⁷⁶.

Обращает на себя внимание то, что критика А.И. Герцена была направлена на близкие к правительственным кругам издания, которые отнюдь не являлись выразителями общественного мнения, находившегося в России в предреформенные годы в эмбриональном состоянии. В данном случае мы имеем в виду не радикализм крестьянских масс, а конструктивную оппозицию, располагавшую печатными изданиями. В этой связи будет уместна параллель с британской действительностью середины XIX века. «Правительство, – писал А.И. Герцен в “Колоколе” в июле 1858 года, – никогда не бывает так мощно, как в согласии с общественным мнением. Легисты Англии, страны строжайшей законности, много раз выражали мысль: “исполнительная власть сильнее закона в тех случаях, где она встречается с народным желанием”»⁷⁷. По его справедливому мнению, воля народа в союзе с властью обретает способность творить новые конституционные формы и обычаи.

---

⁷³ Там же.

⁷⁴ Колокол. 1858. № 10.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. № 21.

⁷⁷ Там же. № 18.

В своей критике российской действительности А.И. Герцен доходил, по нашему мнению, до крайностей. Мы имеем в виду то, что иногда он констатировал отсутствие у своих соотечественников в силу длительной отрешенности от политической жизни способности к государственному строительству и выработке адекватных общественному развитию политико-правовых форм, институтов и отношений. В статье «Россия и Польша», помещенной в «Колоколе» в марте 1860 года, он писал: «Россия не дошла еще до такого гражданского руслу, которое бы ей соответствовало, в котором было бы достаточно простору для обнаруживания всех или большего числа внутренних сил своих, т.е. она не дошла до такой органической формы государственной, как, например, Англия или Швейцария. У России и в прошедшем не было никогда такого быта, разве при киевском прорезывании зубов. Эта неспетость, уродливое кое-как учреждение вместе с праздною сил и дурным употреблением их избытка или ленивым усыплением их доказывает незрелость русского народа»⁷⁸.

Н.П. Огарёв в статье «Письма к соотечественнику», опубликованной в «Колоколе» в том же году, выводил принципиальные отличия отечественной политической системы от западноевропейских стандартов из особенностей социально-экономического развития России. Преобладание общинных начал в ее экономике и общественной жизни препятствовало утверждению частного политико-правового статуса – важнейшего фактора становления представительства как компонента государственности. «...Отстаивая, – писал он, – свое юридическое феодальное начало против центральных властей и расширив право собственности до признания юридической самостоятельности и для собственности движимой, оно (европейское развитие. – А.М.) дошло до права участия собственников в общественных делах и следственно до представительного правления. Высшее развитие Европы – Англия, и, заметьте, – это остров; в его границах составные части организма совершили брожение самое ясное, самое определенное...»⁷⁹.

Русская община отделила основную массу населения от государства, четко очертив круг актуальных местных экономических и политических интересов. Государственный и общественный векторы развития не слились воедино в России, не стали дополнением друг друга. Данное обстоятельство превращало государство в обособленную от народа систему, имевшую тенденцию к закрытости и самоизоляции. Народ, сакрализируя власть, отстранял ее от себя, вполне довольствовался общинным самоуправлением. Со своей стороны государство сохраняло крепостное право и общину как факторы сдерживания легитимного внутривластного процесса. «...Россия, – писал Н.П. Огарёв, – была равнодушна к форме правления, и в то время как Европа выработала себе выборное начало для представительства в законодательных собраниях, оставив центральному правительству администрацию и назначение судей, тоже ограниченных учреждением присяжных, – русский народ, в своем обычае, сохранил выборную

---

⁷⁸ Колокол. 1860. № 65–66.

⁷⁹ Там же. № 77–78.

администрацию и мирской суд, не подумав об остальном отношении к центральной власти»⁸⁰.

Н.П. Огарёв не усматривал длительной перспективы такого «сосуществования» власти и народа. По мере своего развития русское общество должно было выработать эффективное государственное управление. «...Правительственное управление должно отвалиться как латино-германская форма, не привившаяся к общественному экономическому началу русской народной жизни; юридические формы должны создасться из экономического начала, но себе подчинить его не в силах»⁸¹.

Одним из «вопиющих» вопросов русской действительности являлся так называемый «еврейский», состоявший в неравноправии иудеев. Подобное положение дел толкало многих из них в революцию. «Колокол» не оставался в стороне от данной проблемы и, обнажая ее, проводил параллели с Западной Европой, для которой она практически перестала существовать. «Во Франции и в Англии, – писал один из корреспондентов газеты в ноябре 1860 года, – где евреи еще с начала 19 века пользуются всеми гражданскими правами, давно уже исчезло всякое различие между Французом или Англичанином христианином – и Французом или Англичанином евреем, хотя и там евреи, как известно, до дарования им гражданских прав находились по степени образования не выше наших русских евреев»⁸².

Н.П. Огарёв критиковал британский парламентаризм, впрочем как и большинство парламентских систем, за возможность диктата большинства, которое практически не принимало во внимание мнение меньшинства, несмотря на то, что часто последнее бывало право. Однако в условиях британской государственности это до какой-то степени компенсировалось гарантией личной неприкосновенности и свободы. «Англия... упрочила личную свободу и безопасность, – писал Н.П. Огарёв в статье “Разбор нового крепостного права”, опубликованной в “Колоколе” в августе 1861 года, – в своем самом живом учреждении – в суде присяжных; а между тем как высшие сословия, оградясь парламентом от поползновений королевской власти на своеволие, создали свой парламентский деспотизм, который общественные дела решает большинством голосов, наиболее своекорыстных, потому что это большинство из представительства сословного; в то же время личная свобода и безопасность ограждены, даже и от парламентского деспотизма, решением суда присяжных – *единогласным*. Англия в основание своей свободы поставила *единогласие* в суде»⁸³. Таким образом, судебная власть в этой стране могла нейтрализовать возможный произвол власти законодательной, ставя интересы и права отдельной личности выше общих законоположений парламента.

Завершая освещение позиции «Колокола» в отношении британского парламентаризма, следует подчеркнуть, что газета отнюдь не идеализировала эту форму правления. Не ставится под сомнение и критическое отношение издания

---

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Колокол. 1860. № 77–78.

⁸² Там же. № 85.

⁸³ Там же. 1861. № 105.

к возможности адаптации его институтов к условиям России. Однако, по нашему мнению, бесспорным является признание «Колоколом» значения британского варианта государственно-правового развития, его несомненных преимуществ по сравнению с лишенным динамики российским самодержавием. В апреле 1862 года в газете за подписью «один из читателей “Колокола”» была опубликована статья «Еще о московском университете». Ее автор писал: «Хотя конституция на манер английской неприложима к России и не удовлетворяет наших желаний, однако мы и ей, как движению вообще, были бы рады... Но мы не верим, что правительство согласится на конституцию. Все, что оно ни делает, запечатлено духом произвола, устраняющего всякую попытку общества вмешаться в его дела. Самые реформы свои оно совершает старым бюрократическим порядком, посредством чиновников и полиции»⁸⁴.

Радикальная политическая мысль России середины XIX века уделила большое внимание изучению проблем развития британского парламентаризма. В целом для нее был характерен критический подход к парламентскому строю в Великобритании и особенно к половинчатому и непоследовательному, сохранявшему многие пережитки феодализма реформизму, который сумел расширить рамки политической элиты страны за счет включения в нее представителей буржуазии, но не изменил социальной ограниченности британского парламента.

Пытаясь выработать методы изменения социально-экономического строя России, ликвидации ее самодержавной системы, российские радикалы не считали возможным применение британского опыта преобразований к отечественной действительности и склонялись к более решительной революционной стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен, А.И. Былое и думы [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1954–1966. – Т. 10, 18.
2. Герцен, А.И. Былое и думы [Текст] // Соч. : в 4 т. М., 1988. – Т. 3.
3. Добролюбов, Н.А. Из Турина [Текст] // Полн. собр. соч. : в 6 т. – М., 1941. – Т. 5.
4. Добролюбов, Н.А. От Москвы до Лейпцига И. Бабста [Текст] // Собр. соч. : в 9 т. – М., 1962. – Т. 5.
5. Добролюбов, Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ [Текст] // Собр. соч. : в 9 т. – М., 1962. – Т. 4.
6. Инукирвели, Г.З. А.И. Герцен – критик буржуазной демократии [Текст] // Советское государство и право.– 1952. – № 4.
7. История русской журналистики XVIII–XIX веков [Текст]. – СПб., 2005.
8. Колокол [Текст]. – 1857. – № 2; 1858. – № 8, 10, 18, 21; 1860. – № 65, 66, 77, 78, 85; 1861. – № 105.

---

⁸⁴ Колокол. 1862. № 127.

9. Мелентьев, Ю.С. Революционная мысль России и Запад (русские революционеры-демократы о капитализме и буржуазной демократии) [Текст]. – М., 1966.
10. Огарёв, Н.П. Ответ на письмо малороссийского помещика [Текст] / Избр. соц.-полит. и филос. произв. – М., 1952. – Т. 1.
11. Огарёв, Н.П. Ответ на «Ответ “Великорусу”» [Текст] / Избр. соц.-полит. и филос. произв. – М., 1952. – Т. 1.
12. Огарёв, Н.П. Расчистка некоторых вопросов. Конституция и земский собор [Текст] / Избр. соц.-полит. и филос. произв. – М., 1952. – Т. 1.
13. Огарёв, Н.П. Русские вопросы. Крестьянская община [Текст] / Избр. соц.-полит. и филос. произв. – М., 1952. – Т. 1.
14. Писарев Д.И. Подрастающая гуманность (сельские картины) [Текст] // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1956. – Т. 4.
15. Чернышевский, Н.Г. Нынешние английские виги [Текст] // Полн. собр. соч. – М., 1950. – Т. 7.
16. Чернышевский, Н.Г. Политика. Из «Современника» [Текст] // Полн. собр. соч. – М., 1949. – Т. 6.
17. Чернышевский, Н.Г. «Русская беседа» и славянофильство [Текст] // Избр. экон. произв. – М., 1948. – Т. 1.
18. Шапиро, А.М. А.И. Герцен о некоторых вопросах общественно-политической жизни Англии 50–60-х гг. XIX в. [Текст] // Ученые записки. Выпуск исторический / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 1960. – Т. 68.

A.I. Minaev

BRITISH PARLIAMENTARISM AND RUSSIAN RADICAL POLITICAL THOUGHT IN THE MID-19th CENTURY

Russian radical political philosophy of the mid-19th century thoroughly investigated the traditions of British parliamentarism only to criticize its compromise decisions and inconsequent reforms. In their search for the methods of reforming the Russian social and economic system and destroying the country's autocracy, the adherents of the philosophy rejected the British experience in favor of a more decisive revolutionary strategy.

Russia, Great Britain, mid-19th century, political thought, radicalism, constitutionalism, parliamentarism, reformism, suffrage